

Славная Русь.

Слава жизни. Есть порывы злого,
Долгие страницы слепоты.
Но нельзя отречься от родного,
Светишь мне, Россия, только ты.
Бальмонт К.Д.

Россия, Родина, Русь....

Когда слышишь вопрос: с чем символизируется образ России, то всплывают в памяти картины русских живописцев, плакаты времен Великой Отечественной войны. В русском национальном сознании давно и прочно закреплён образ Матушки Руси, Матери-России. Существует мнение, что этот образ имеет государственный, пропагандистский характер и возник сначала на плакатах времён Первой мировой войны (Матушка Русь) как имперский, а впоследствии «был изменён советской пропагандой в не менее известный образ Родины-Матери».

В действительности истоки этого национального образа, несомненно, уходят своими корнями в далёкое прошлое, восходят к мифологическому образу Матери - Сырой Земли – традиционному фольклорному образу, олицетворению земли, который встречается во многих жанрах устного народного поэтического творчества и сохраняет следы древнейших мифологических представлений о земле как женском рождающем начале. В России после принятия христианства в народном сознании происходит слияние образа Матери-Земли с образом Богородицы.

Давайте проследим, как трансформируется этот образ в нашей литературе. Первое произведение, получившее широкую известность, в котором Россия предстаёт в женском образе, принадлежит перу Василия Кирилловича Тредиаковского. Это его «Стихи похвальные России», первая редакция которых датируется 1728 годом:

Россия мати! свет мой безмерный!
Позволь то, чадо прошу твой верный,
Ах как сидишь ты на троне красно!
Небо Российску ты Солнце ясно!...

Именно с этого вздоха начинается традиция чувства любви к Родине не только как общественного и гражданского, как это было в знаменитых одах Ломоносова, но как чувства личного и даже интимного. Именно от этой строки протянута нить к знаменитой строке Н.П. Некрасова:

Как женщину, ты родину любил
и не менее известному восклицанию А. Блока:
О, Русь моя! Жена моя!

Ломоносов, создавая образ Матери-России, описывает прежде всего те детали, которые связаны с мотивами величия, изобилия, здоровой, зрелой красоты, плодородия и мира. Его Россия – полнокровная, сильная, спокойная в осознании своего могущества Великая Мать.

Самым знаменитым олицетворением России, созданным в XIX столетии, стал образ гоголевской «птицы тройки» в лирическом отступлении, завершающем одиннадцатую главу первого тома «Мёртвых душ»: «Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? <...> Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земли, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства».

Образ России, благодаря гению Гоголя, в сознании русских писателей и читателей слился с образом птицы тройки, и этот образ получил развитие в творчестве многих русских писателей (прежде всего – поэтов) XIX – XX веков.

Развитием традиций Гоголя, Фета и Некрасова, а также образов древнерусской словесности становится символическое осмысление сущности России Александром Блоком. Россия Блока предстает в слиянии пейзажа и портрета: «А ты всё та же – лес, да поле, / Да плат узорный до бровей». «А ты всё та ж, моя страна, / В красе заплаканной и древней». Мотив сна, дремоты, образ заколдованной спящей царевны объединяет в середине 1900-х годов восприятие России Блоком и Белым.

Ты и во сне необычайна.
Твоей одежды не коснусь.
Дремлю – и за дремотой тайна,
И в тайне – ты почишь, Русь.
«Русь»

В цикле «На поле Куликовом» блоковское интимно-личностное восприятие Родины сливается с национальным историческим чувством. Его лирический герой – это и древнерусский воин, и «я» поэта, а образ России предстает в удивительном и нерасторжимом единстве матери («И вдали, вдали о стремя билась, / Голосила мать») – жены («помяни ж за раннею обедней / Мила друга, светлая жена!») – Богородицы. Кульминацией лирического ощущения Родины в цикле становится наряду со знаменитым обращением «О Русь моя! Жена моя!» восприятие её в образе Богоматери, чье иконописное изображение оживает и сливается с образом России, которую она берет под свою защиту:

И с туманом над Непрядвой спящей,
Прямо на меня
Ты сошла, в одежде свет струящей,
Не спугнув коня.
<...>
И когда, наутро, тучей черной
Двинулась орда,
Был в щите Твой лик нерукотворный
Светел навсегда.

Мы подошли к двадцатому столетию. Какой видится Россия нашему современнику? В образах героинь русских сказок виделась Россия Дмитрию Кедрину:

Стойбище осеннего тумана,
Вотчина ночного соловья,
Тихая царевна Несмеяна –
Родина неяркая моя!

«Алёнушка»

В другом стихотворении Кедрина, написанном в 1944 году, соединяются, как у Блока и Есенина, черты женщины и просторы русской природы; творения искусства разных эпох и даль истории; поэт говорит о любви к Родине, ни разу не назвав её имя, и всё стихотворение звучит, как интимное лирическое признание возлюбленной – единственной для каждого и единой для всех:

Такой ты мне привиделась когда-то:
Молочный снег, яичная заря.
Косые ребра будки полосатой,
Чиновничья припрыжка снегиря.

Конечно, в годы Великой Отечественной войны образ Родины-матери стал наиболее востребован, совершенно естественно образ России сливается с образами матери-земли и матери человеческой. В военной лирике Дмитрия Кедрина этот образ встречается не единожды:

Россия! Мы все у тебя в долгу.
Ты каждому – трижды мать.
Так можем ли мы твоему врагу
В служанки тебя отдать?..
На жизнь и на смерть пойдем за тобой
В своей и чужой крови!
На грозный бой, на последний бой,
Россия, благослови!

Анна Ахматова завершает «Поэму без героя», такими строками:

От того, что сделалось прахом,
Обуянная смертным страхом
И отмщенья зная срок.
Опустивши глаза сухие
И ломая руки, Россия
Предо мною шла на восток.

В истории русской поэзии было два периода, когда образ Родины, тема судьбы России становились центральными в творчестве большинства поэтов: это эпоха революций 1905 – 1917 годов и Великая Отечественная война. Третьим таким этапом стал рубеж XX – XIX веков, рубеж тысячелетий.

При ощутимой внутренней близости этих трех, разделенных полувековыми интервалами этапов между ними есть и существенные различия. Если в революционную эпоху отчаяние, звучавшее в поэтических голосах, переплеталось с надеждой и пламенной верой (в зависимости от взглядов авторов и эволюции этих взглядов), то в годы Великой Отечественной войны единым был пафос победы, убежденности в силе

народа и освободительной, спасительной миссии России, то в 1990-е – 2000-е годы поэтов объединило ощущение гибели Родины, отчаянно пытающейся удержаться на краю пропасти.

Тот образный ряд воплощений России, который сложился в русской литературе за три столетия, завершается воистину страшно. От изобильной полноты, могущества, цветущей красоты, здоровой, преизбыточной силы в «Разговоре с Анакреоном» Ломоносова – до нищей старухи в кривую клюкой, в которой уже никто не признает ни державного могущества России-государства, ни святости Руси – земли, которую всю – от края и до края – «в рабском виде Царь Небесный исходил, благословляя».

Один из последних по времени создания развернутых образов России создан Ольгой Фокиной в стихотворении, начинающемся строкой Николая Рубцова:

Тебе в привычку – верить, ждать, любить,
Не помнить зла, прощать обиды близким,
Тебе не оскорбительно, не низко
Блаженной ли, святой ли – быть ли, слыть...

Во многих стихотворениях современных поэтов возникает образ претерпевшей распятие и уже воскресшей России. Она снова сияет в своей славе, является в облике Святой Руси, но уже – на небесах, в Господних руках, недоступная злу.

Совершив своеобразный экскурс в литературное прошлое и настоящее нашей литературы, мне вспоминаются слова Александра Блока: «Чем больше чувствуешь связь с родиной, тем реальнее и охотнее представляешь ее себе как живой организм».